

ДЕНЕЖНЫЕ LIAISONS DANGEREUSES В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»¹

Money Liaisons Dangereuses in Dostoevsky's Novel "The Gambler"

Сергей Акимович Кибальник

kibalnik007@mail.ru

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН,

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

Sergei A.Kibalnik

kibalnik007@mail.ru

Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences,

St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 30.09.2019

Fecha de evaluación: 03.12.2019

Cuadernos de Rusística Española n° 15 (2019), 127 - 135

РЕЗЮМЕ

Денежные отношения героев играют в романе отнюдь не случайную роль, образуя не внешнюю канву, а внутреннюю динамику действия. Только правильное понимание характера этих отношений даёт ключ к интерпретации романа. Гипертекстуальность «Игрока» по отношению к «Отцу Горю» О. де Бальзака, «Даме с камелиями» А. Дюма-сына и «Манон Леско» А. Прево позволяет уточнить смысл некоторых «экономических узлов» романа. В свою очередь они дают возможность определить центральную сюжетную коллизию «Игрока». Проведённый анализ проясняет характер русского классического романа и прежде всего «пятикнижия» Достоевского как результат своего рода литературного скрещивания романа бальзаковского типа с романом В. Гюго, центральной темой которого оказывается «восстановление погибшего человека».

Ключевые слова: деньги, роман, игрок, герой, интертекстуальность, экономический, коллизия

ABSTRACT

The money relations of characters play a significant part in Dostoevsky's novel "The Gambler". Only the right understanding of these relations gives us a clue to the novel's interpretation. Hypertextuality of the "Gambler" to H. de Balzac's "Le Père Goriot", A. Dumas's son's "La Dame aux *Camélias*" and A. Prévost's "Manon Lescaut" let us make clear some "economic knots" of the novel. In their turn, they give us the opportunity to define a central plot collision of "The Gambler". This analysis let us clarify Russian classical literature, and of the so-called Dostoevsky's "five books" as a result of new literary synthesis based on Balzac's and Hugot's novels (Dostoevsky himself defines the central theme of the latter as "resurrection of a perished man").

Keywords: money, novel, gambler, character, intertextuality, economic, collision

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Русская литература и «социальное христианство»», №17-04-00317.

Как и в романах О. де Бальзака и в отличие от большинства других романов самого Ф.М. Достоевского, почти всё действие «Игрока» (1866) разворачивается вокруг денег. Само это слово появляется уже в пятом предложении главы I: «Было ясно, что они где-нибудь перехватили денег» (Достоевский 2016: 232). В первом же разговоре с Алексеем Ивановичем «генерал» предупреждает его, чтобы он «гулял с детьми где-нибудь подальше от воксала, в парке» и не вздумал играть на рулетке. В ответ на замечание-намёк Алексея Ивановича «да ведь у меня и денег нет» «генерал» тут же рассчитывается с ним, не додав, однако, какую-то часть под предлогом затруднительности перевода «на талеры» (см.: Достоевский 2016, 581).

Экспозиция действия в целом не оставляет никаких сомнений в том, что для счастья главным, а впрочем, даже и неглавным, героям романа решительно нужны значительные средства и что все они связаны между собой либо явными, либо тайными денежными отношениями, загадка которых постепенно открывается перед героем-рассказчиком Алексеем Ивановичем, а соответственно и перед читателем. Причём эти денежные отношения играют в романе отнюдь не случайную роль, образуя не внешнюю канву, а внутреннюю динамику действия. Только правильное понимание характера этих отношений даёт ключ к интерпретации романа.

Что касается отношений «генерала» с Mlle Blanche, то характер их с самого начала ясен даже Алексею Ивановичу: «Я рассчитал, что с четырьмя тысячами франков, которые я привёз, да прибавив сюда то, что они, очевидно, успели перехватить, у них теперь есть семь или восемь тысяч франков; этого слишком мало для Mlle Blanche» (Достоевский 2016, 233).

Всё семейство «генерала» ожидает известия о смерти «бабушки» в надежде на её наследство. Эта расхожая романная ситуация определяет не только отношения Mlle Blanche к «генералу», но также и отношения Де-Грие к Полине. В этом случае Mlle Blanche выйдет замуж за «генерала», а Де-Грие, судя по всему, женится на Полине.

Надежды на внезапное чудесное обогащение на рулетке, которые позволят Алексею Ивановичу стать в глазах Полины равным, и аналогичные надежды самой Полины, которая рассчитывает таким образом освободиться от своей (впрочем, воображаемой) зависимости от Де-Грие, – второй важный «экономический узел» романа.

Из первого же разговора Алексея Ивановича с Полиной становится ясно, что в Париже он по её просьбе заложил её бриллианты и привез ей семьсот гульденов. Однако этого оказывается для неё недостаточно. «Мне во что бы ни стало нужны деньги, – сказала она, – и их надо добыть; иначе я просто погибла» (Достоевский 2016, 237). Глава I завершается поручением Полины Алексею Ивановичу: «... выиграйте мне на рулетке сколько можете больше; мне деньги во что бы ни стало теперь нужны» (Достоевский 2016, 239).

Это поручение актуализирует ассоциации Полины с Дельфиной де Нусинген из романа Бальзака «Отец Горио» (<1834–1835>). Достоевский варьирует здесь эпизод этого романа, в котором Дельфина просит Растиньяка играть в рулетку на её деньги, чтобы возратить 6000 франков бросившему её де Марсе (этот эпизод сопоставлял – правда, не с главами I–II, а с главой XV «Игрока» – Р.Г. Назиров

(2010: 340)). Растиньяк выигрывает нужную сумму. «О, сегодня вечером у де Марсе уже не будет права смотреть на меня, как на женщину, которой он заплатил», – восклицает Дельфина (Бальзак 1995: 350). Она берёт у Растиньяка только необходимые ей для этого шесть тысяч, оставляя ему остальную часть выигрыша.

В отличие от Растиньяка, Алексей Иванович, во-первых, выигрывает не всю необходимую Полине сумму, а во-вторых, отказывается от её предложения разделить с ней выигрыш (впрочем, Растиньяк отдаёт доставшуюся ему из этого выигрыша «тысячу франков» отцу Дельфины со словами «...храните их для нее же» – Бальзак 1995: 353). В отличие от Дельфины, Полина не объясняет Алексею Ивановичу, для чего ей нужны деньги.

Тем не менее современный Достоевскому читатель, безусловно, хорошо знакомый с одним из самых популярных в то время романов Бальзака, начинает воспринимать отношения между Полиной и Алексеем Ивановичем на фоне истории зарождения любовных отношений между Дельфиной и Растиньяком. Он, конечно же, ощущает разницу: там, где у французского писателя идёт речь о светском романе, у Достоевского – о страстной, ни перед чем не останавливающейся любви.

И если Дельфина в самом деле брала деньги у де Марсе, то Полина всего лишь сама почему-то решила, что ей нужно отдать деньги, которыми Де-Грие ссужал её отчима. В действительности, как мы вскоре увидим, он делал это не просто так, а в счёт имущества «генерала», которое переводил на своё имя.

Уже в начале, по крайней мере, главы V Полина сама начинает догадываться об этом – впрочем, как и о том, что Де-Грие никогда ее не любил. На вопрос Алексея Ивановича, «почему наш маркиз Де-Грие, французик, не только не сопровождает её теперь, когда она выходит когда-нибудь, но даже и не говорит с нею по целым дням?» она отвечает: «Потому что он подлец...» (Достоевский 2016, 253).

Кстати, именно здесь Де-Грие впервые назван по фамилии, которая актуализирует сопоставление его с героем романа А.-Ф.Прево «Манон Леско» «кавалером де Гриё», в то время как до настоящего времени этот герой в грибоедовской сатирической модальности (см.: Достоевский 2016, 581) именовался «французиком».

Развитие действия в главах IX–XII неожиданно демонстрирует подверженность страсти «игры» и склонность к русскому, по суждению Алексея Ивановича, «способу» обогащения и «бабушки». Она играет три раза подряд, проигрывается в пух и прах и возвращается на родину. Как отметила К. Ичин, «бабушка – единственная из всех персонажей “Игрока”, кто в ходе сюжета возвращается в Россию». Причём она делает это не столько для того, чтобы «хотя бы в России умереть», как полагает исследовательница, сколько с целью исполнить данный ею обет и построить церковь. Тем самым она «“подказала” путь также всем героям последующих романов Достоевского, возрождение которых (если оно вообще возможно) соотнесено лишь с их возвратом на родину» (Ичин 1997: 92).

Связь и внезапный разрыв Полины с главным героем романа в главах XIV–XV не совсем понятны без психологического анализа читателем денежных “liaisons dangereuses” между героями – прежде всего между Полиной и Де-Грие, якобы великодушно «прощающим» в своём письме к ней долги ему «генерала», а также между Полиной и Алексеем Ивановичем, тут же неосторожно предлагающим ей выигранные им деньги. Эти отношения образуют третий «экономический узел»

романа, имеющий прямое отношение к пониманию его центральной сюжетной коллизии (см. подробнее: Кибальник 2014, 135-148).

Письмо Де-Грие Полине, которое она даёт прочесть Алексею Ивановичу, придя к нему в комнату, – практическая реализация идеи Алексея Ивановича, а вместе с ним, судя по «Зимним заметкам о летних впечатлениях», и самого Достоевского – о том, что «француз <...> – это законченная, красивая форма» (Достоевский 2016, 351). Письмо это, по собственному суждению Де-Грие, должно характеризовать его в глазах Полины как «жантилома и четного человека (*gentilhomme et honnête homme*)». Между тем оно, напротив, демонстрирует его мастерство драпировать в благородные чувства самые подлые поступки: «Потеряв почти все мои деньги в долгах на отчине вашем, я нахожусь в крайней необходимости воспользоваться тем, что мне остается: я уже дал знать в Петербург моим друзьям, чтоб немедленно распорядились продажей заложенного мне имущества; зная, однако же, что легкомысленный отчим ваш растратил ваши собственные деньги, я решился простить ему пятьдесят тысяч франков и на эту сумму возвращаю ему часть закладных на его имущество, так что вы поставлены теперь в возможность воротить всё, что потеряли, потребовав с него имени судебным порядком» (Достоевский 2016, 323).

Представ в глазах Полины едва ли не спасителем её отчима, он соблазнил её, а бросая, ещё и представляет дело так, как будто бы, благодаря ему, она может вернуть себе какое-то своё имущество, растраченное «генералом». Между тем, во-первых, взять с «генерала» больше уже нечего, а во-вторых, если бы даже и было бы что, то Полина не могла бы этого сделать, потому что на иждивении у него остается двое маленьких детей.

В действительности, упоминание об этих пятидесяти тысяч франков со стороны Де-Грие подло вдвойне, потому что выставляет Полину в качестве небескорыстной его любовницы. Именно поэтому, а не по каким-либо другим причинам, её так оскорбляет предложение пятидесяти тысяч франков, чтобы отдать их Де-Грие, со стороны Алексея Ивановича. В ответ на её совершенно бескорыстную любовь ей снова предлагают деньги.

Своеобразие рассказу обо всех этих событиях в «Игроке» придаёт то обстоятельство, что он в нём ведётся ненадёжным повествователем. Алексей Иванович ненадёжен не потому, что может что-то скрывать от читателя, а потому, что сам многого не понимает. Подзаголовок романа: «Из записок молодого человека» (Достоевский 2016, 232) – призванный задрапировать автобиографическую основу романа, связанную с увлечением Достоевским А.П. Сусловой, обнаруживает здесь свою саркастическую природу. Алексей Иванович, которого Полина недаром воспринимает как человека «беспорядочного и неустановившегося» (Достоевский 2016, 255), прочитав письмо Де-Грие, почему-то решает, что Полине нужно бросить тому в лицо эти пятьдесят тысяч франков. Не слушая никаких её возражений, он убегает, чтобы выиграть для неё эти деньги.

Читателю предоставляется самому разобраться, как же обстоит дело на самом деле. Хотя, основываясь на личности Де-Грие, он может и сейчас уже обо всём догадаться, ключ к этой истории обнаруживается лишь в самом конце романа, в главе XVI, в которой «генерал» поминает Де-Грие следующим образом: «Он обокрал меня, он меня зарезал! Это был мой кошмар в продолжение целых двух

лет!» (Достоевский 2016, 344). Из этих его слов становится ясно, что, если Де-Грие когда-то представлялся Полине своего рода спасителем её отца (за что, судя по всему, она его и полюбила), то в действительности он с самого начала преследовал лишь свои собственные интересы. Всё имущество «генерала» он переписал на себя, выдавая тому незначительные, но до зарезу нужные обезумевшему от любви герою денежные субсидии.

Полина не может «потребовать» с «генерала» «имение судебным порядком», чтобы «воротить» потерянное ею наследство. Дело даже не в том, что «генерал» – её отчим, а в том, что у него больше ничего нет. Всё его имущество переведено на Де-Грие, и тот его продаёт. Очевидно, что «часть закладных» на имущество «генерала», которые он возвращает Полине, не стоит пятидесяти тысяч, да и вообще ничего не стоит, потому что сам Де-Грие уже взыскал с «генерала» по другим закладным всё, что у того было. Ограбив «генерала», то есть переведя всё его имущество на свое имя за самые ничтожные средства, он вдобавок даром попользовался его падчерицей, а теперь, бросая её, ещё и изображает благородство, фактически выставляя её в этом письме содержанкой. Вся подоплёка этой истории имеет неоценимое значение для понимания причин разрыва Полины с Алексеем Ивановичем.

Если задаться вопросом о том, почему после разрыва с Де-Грие Полина приходит к Алексею Ивановичу, то скорее всего исходя из скрытой авторской логики событий ответ будет таков: его постоянство и готовность на всё ради неё приносят, наконец, свои плоды. Герой как бы заражает героиню своей страстью к ней. Оказавшись в тяжелой психологической ситуации, она приходит к нему в надежде найти понимание и поддержку. Ведь Алексей Иванович свой, русский – он начисто лишён некоторой рассудочности, а это, по всей видимости, – единственное что отталкивает её от мистера Астлея: «Ну, этот не соскочит с Шлангенберга, как ты думаешь?» (Достоевский 2016, 331).

В то же время для Полины, конечно же, гораздо выгоднее ответить на чувство к ней этого англичанина. Это настолько очевидно, что об этом ей однажды говорит даже сам Алексей Иванович (см.: Достоевский 2016, 238). Более того, он вспоминает о мистере Астлее, даже когда Полина уже находится в его комнате (Достоевский 2016, 324).

Однако от того, чтобы сразу обратиться к мистеру Астлею, героиню, по всей видимости, удерживает в числе прочего то, что он богат. Её приход к Алексею Ивановичу уж во всяком случае свободен от каких-либо возможных меркантильных соображений. Между тем после разрыва с Де-Грие её больше всего угнетает то, что в глазах посторонних – и, главное, в своих собственных – она может выглядеть как содержанка. В этом плане Полина в «Игроке» – это своего рода потенциальная Маргарита Готье из романа Александра Дюма-сына «Дама с камелиями».

Что же делает в этой ситуации Алексей Иванович? Он выигрывает деньги и даёт Полине утром, после проведённой с нею ночи, пятьдесят тысяч франков. Конечно, он предлагает ей эти деньги ещё вечером, накануне этой ночи, причем предлагает «как друг». Более того, он восклицает: «Я вам жизнь предлагаю» (5, 330). Однако Полина сразу же отвечает на это возмущённым отказом: «Любовница Де-Грие не стоит пятидесяти тысяч франков» (Достоевский 2016, 330). Предложение

Алексея Ивановича вызывает у неё «истеричку»: «Покупай меня! Хочешь? Хочешь? За пятьдесят тысяч франков, как Де-Грие» (Достоевский 2016, 330). Утром, получив, по собственному её требованию эти деньги, Полина бросает их в лицо Алексею Ивановичу.

Пытаясь понять причины происшедшего, герой спрашивает себя: «Что было, однако, причиною этого состояния, а главное, этой выходки? Оскорблённая ли гордость? Отчаяние ли о том, что она решилась даже прийти ко мне? Не показал ли я ей виду, что тщеславлюсь моим счастьем и в самом деле точно так же, как и Де-Грие, хочу отделаться от неё, подарив ей пятьдесят тысяч франков? Но ведь этого не было, я знаю по своей совести. Думаю, что виновато было тут отчасти и её тщеславие: тщеславие подсказало ей не поверить мне и оскорбить меня, хотя всё это представлялось ей, может быть, и самой неясно. В таком случае я, конечно, ответил за Де-Грие и стал виноват, может быть, без большой вины» (Достоевский 2016, 332).

В действительности Алексей Иванович и в самом деле оттолкнул от себя Полину тем, что повёл себя в отношении её, как Де-Грие. Однако не тем, что он якобы хотел «отделаться от неё», а тем, что проявил удивительную душевную глухоту. В то время как Полина терзается от мысли, что её искреннее увлечение Де-Грие может выглядеть со стороны как продажная любовь, её приход к Алексею Ивановичу снова оборачивается тем же. Именно это становится причиной разрыва с ним героини. Она не может простить Алексею Ивановичу, что он, хотя и ненамеренно, также ведёт себя так, что её приход к нему начинает выглядеть как не свободный от материальных соображений.

Разумеется, Полина замечает также и некоторую перемену в отношении Алексея Ивановича к ней после выигрыша: «Огромная груда билетов и свертков золота заняла весь стол, я не мог уж отвести от неё моих глаз; минутами я совсем забывал о Полине» (Достоевский 2016, 329). Однако не это начавшееся на её глазах вытеснение из его души любви к ней увлечением игрой – «госпожой удачей» (см.: Джексон 1998: 165-184) оказывается главной причиной разрыва.

Наконец, четвёртый важный «экономический узел» романа можно видеть в его «парижских главах» (XV – XVI). В них M-lle Blanche поступает на содержание к Алексею Ивановичу. Этот мотив вновь отмечен саркастическими интертекстуальными связями с романами Прево, Дюма-сына и др. (см. подробнее об этом: Достоевский 2016, 561-605; теоретические основы представленного ниже подхода к проблеме интертекстуальности представлены нами: Кибальник 2013, 3-8; Кибальник 2017, 97-101).

С самого начала M-lle Blanche появляется на страницах романа именно под этим именем (Достоевский 2016, 209). До сих пор не было отмечено, что имя этой героини имеет не менее знаковый характер, чем имя Де-Грие. Причём, хотя оно, в отличие от последнего, и не входит в заглавие романа, из которого взято, зато сам этот роман современникам Достоевского был известен гораздо лучше. Последнее можно безусловно утверждать о романе Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» (<1848>).

У Дюма это имя носит чистая и невинная сестра Армана, ради счастья которой пожертвовала своей любовью к нему Маргарита. Имя её читатель узнает

в самом конце «Дамы с камелиями», где повествователь посещает дом отца Армана господина Дюваля: «У его дочери Бланш был ясный взгляд и чистые, мягкие очертания лица. Только чистые мысли рождались у неё и благочестивые слова произносились её устами. Она улыбалась брату, не зная в своей невинности, что далеко отсюда какая-то куртизанка пожертвовала своим счастьем при одном упоминании её имени» (Дюма 1993: 161).

Разумеется, на таком фоне образу Бланш в «Игроке» обретает не менее пародийный и саркастический характер, чем имя Де-Грие Достоевского при сопоставлении с кавалером де Гриё. Ведь уже к концу первой главы у читателя не остаётся никаких сомнений в том, что героиня Достоевского не имеет со своей тёзкой ничего общего: «Вы сами знаете, что такое m-lle Blanche. <...> M-lle Blanche, наверно, будет генеральшей, – разумеется, если слух о кончине бабушки подтвердится...» (Достоевский 2016, 214). Имя этой героини, следовательно, снова референциальный сигнал, призванный актуализировать гипертекстуальность «Игрока» – на сей раз по отношению к роману Дюма.

Если задаться вопросом о серьёзных параллелях к образу M-lle Blanche в «Игроке», то в романе Дюма это, разумеется, не главная его героиня Маргарита Готье, а другие куртизанки. Причём это сходство актуализируется только в предпоследней, XVI главе «Игрока», в которой действие так же, как и в романе Дюма происходит в Париже. Сама Бланш и её подруги Hortense, Lisette и Cléopâtre в какой-то степени похожи на бывшую куртизанку, соседку Маргариты – Прюданс.

Причём то, как гости Бланш третируют Алексея Ивановича во время «двух балов, то есть двух вечеринок», которые она с ним «задали»: «они даже вздумали надо мной смеяться...» (Достоевский 2016, 304), напоминает отношение в романе Дюма к Герцогу, снявшему для Маргариты домик в деревне, приехавшему туда, чтобы с ней пообедать, и заставшему там «большую шумную компанию», которая ещё завтракала и которая встретила его дружным смехом (см.: Дюма 1993: 106).

Так, из роли страстно влюбленного в Маргариту Армана, которую он играл по отношению к Полине, Алексей Иванович переходит в положение одного из содержателей Бланш.

Более явным образом Бланш напоминает другую героиню «Дамы с камелиями» – Олимпию: «Олимпия представляла собой настоящий тип куртизанки, **бесстыдной, бессердечной и глупой**, по крайней мере в моих глазах; может быть, какой-нибудь другой мужчина питал к ней такие же чувства, как я по отношению к Маргарите. Она попросила у меня денег, я дал их ей и вернулся домой» (Дюма 1993: 145). Ср. характеристику Бланш в главе XVI «Игрока»: «Трудно представить себе что-нибудь на свете **расчётливее, скупее и скалдырнее** разряда существ, подобных M-lle Blanche» (Достоевский 2016, 303).

Не любя Олимпии, Арман легко покупает её любовь, прямо предлагая ей только что выигранные в карты деньги: «Я выиграл триста луидоров: вот они, если вы позволите мне остаться у вас. – И я бросил золото на стол <...> – Подумайте, дорогая Олимпия: если бы я вам прислал через кого-нибудь эти триста луидоров на тех же условиях, вы бы приняли их. Я предпочёл лично вести переговоры» (Дюма 1993: 139). Что касается героя Достоевского, то ему не приходится предлагать что-либо M-lle Blanche: она сама делает ему предложение, аналогичное тому, которое Арман сделал Олимпии.

Сам Арман проводит между Маргаритой и Олимпией чёткую границу, которой у Достоевского отдалённо соответствует разница между Полиной и Бланш: «Маргарита тоже была соержанка, но я никогда не решился бы сказать ей в первый же день знакомства то, что сказал этой женщине. Маргариту я любил, а в ней угадал инстинкты, которых не было у Маргариты; и в ту самую минуту, когда я предлагал эту сделку Олимпии, она мне не нравилась, несмотря на свою выдающуюся красоту. Конечно, она согласилась, и в полдень я ушел от неё её любовником...» (Дюма 1993: 140).

Между тем как, едва только познакомившись с Маргаритой, герой размышляет про себя: «Если бы мне сказали: “Сегодня вы будете обладать этой женщиной, но завтра будете убиты”, я бы согласился. Если бы мне сказали: “Дайте десять луидоров – и вы будете её любовником”, я бы отказался и заплакал, как ребёнок, у которого поутру исчезает замок ночных сновидений» (Дюма 1993: 38).

В парижских главах «Игрока» Алексей Иванович, в сердце которого страсть к игре вытесняет почти всё остальное, ждёт не дожётся, когда, наконец, кончатся выигранные им деньги, чтобы вновь поехать играть. М-ше Blanche и Алексей Иванович воплощают здесь два разных, по представлениям Достоевского, типа отношения к деньгам – французский и русский. Верх надо всем у Алексея Ивановича берёт не страсть к обогащению, всецело владеющая и пушкинским Германном, и бальзаковскими героями, а его иррациональная увлечённость «игрой». В написанном ранее романе «Село Степанчиково и его обитатели» (<1859>) у русского Тартюфа Фомы Опискина верх над стремлением обогатиться берёт желание «погримасничать, порисоваться» (Достоевский 1972: 94).

Именно страсть к игре так и не позволяет герою «возродиться, воскреснуть» в финале романа. При этом здесь намечается магистральная для «великого пятикнижия» Достоевского тема «восстановления погибшего человека», как определял сам писатель основную мысль всего искусства XIX века, опираясь уже не на роман бальзаковского типа, а на «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго (Достоевский 1980: 28).

Таким образом, анализ денежных liaisons dangereuses в романе Достоевского «Игрок» позволяет проследить не только трагический «ответ» русских героев на «вызовы» западной цивилизации, но и рождение «русского романа» в горниле западноевропейской литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БАЛЬЗАК, О. де (1995): *Собр. соч.*: В 10 т. Художественная литература. Москва.
- ДЖЕКсон, Р. (1998): «Полина и госпожа удача в «Игроке». *Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны*. Радикс. Москва.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (2016): *Полн. собр. соч. и писем*: В 35 т. Т. 5. Наука. Санкт-Петербург.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1972): *Полн. собр. соч.*: В 30 т. Т. 4. Наука. Ленинград.
- ДОСТОЕВСКИЙ, Ф.М. (1980): *Полн. собр. соч.*: В 30 т. Т. 20. Наука. Ленинград.
- ДЮМА, А. (1993): *Дама с камелиями*. Ставропольское книжное издательство. Ставрополь.

- ЖИЛЯКОВА, Э.М. (1991): «Синтез эпического и драматического начал. (От романа «Игрок» к рассказу «Вечный муж»)» // *Творчество Ф. М. Достоевского: Искусство синтеза*: Сб. ст. Издательство Уральского университета. Екатеринбург. С. 182-203.
- ИЧИН, К. (1997): «"Игрок" Достоевского как роман тайн» *Зб. Матице срп. за slavistiku*. Нови Сад, 1997. №52. С. 87-104.
- КИБАЛЬНИК, С.А. (2013): Проблемы интертекстуальной поэтики Ф.М. Достоевского. ИД «Петрополис». Санкт-Петербург.
- КИБАЛЬНИК, С.А. (2014): «Проблемы интертекстуальной поэтики Ф.М. Достоевского (на материале романа «Игрок»)» // *Русская литература*. 2014. №1. С. 135-148.
- КИБАЛЬНИК, С.А. (2017): «О тексте литературного произведения и интерпретативном комментарии к нему (на материале романа Достоевского «Игрок»)» // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2017. № 1 (Т. 13). С. 93-101.
- НАЗИРОВ, Р.Г. (2010): *О мифологии и литературе, или Преодоление смерти*: Статьи и исследования разных лет. Уфимский полиграфкомбинат. Уфа.

BIBLIOGRAPHY

- BALZAC, H. de (1995). *Sobr. soch.*: V 10 t. Khudozhestvennaya literatura. Moskva.
- DOSTOEVSKY, F.M. (2016) *Poln. sobr. soch. i pisem*: V 35 t. T. 5. Nauka. Sankt-Peterburg.
- DOSTOEVSKY, F.M. (1972) *Poln. sobr. soch.*: V 30 t. T. 4. Nauka. Leningrad.
- DOSTOEVSKY, F.M. (1980) *Poln. sobr. soch.*: V 30 t. 1980. Nauka. Leningrad.
- DUMAS, A. (1993). *Dama s kameniyami*. Stavropolskoe knizhnoe izdatelstvo. Stavropol.
- ICHIN, K. "Igrok Dostoevskogo kak roman tain". *Zb. Matitse srp. Za slavistiku*. Novi Sad, 1997. N52. P. 87-104.
- JACKSON, R. *Iskusstvo Dostoevskogo: Bredy i nokturny*. Radiks. Moskva.
- KIBALNIK, S.A. (2013): *Problemy intertekstual'noy poetiki F.M. Dostoyevskogo*. ID "Petropolis". Sankt-Peterburg.
- KIBALNIK S.A. (2014) "Problemy intertekstualnoi poetiki F.M.Dostoevskogo (na materiale romana "Igrok")" // *Russkya literatura*. 2014. N 1. P. 135-148.
- KIBALNIK, S.A. (2017): O tekste literaturnogo proizvedeniya i interpretativnom komentarii k nemu (na materiale romana Dostoyevskogo "Igrok") // *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i spetsial'nost'. 2017. N 1 (T. 13). S. 93-101.
- NAZIROV, R.G. (2010) *O mifologii i literature, ili Preodolenie smerti*: Statyi i issledovaniya raznyh let. Ufimskiy poligrafkombinat. Ufa.
- ZHILIAKOVA, E.M. (1991) "Sintez epicheskogo i dramaticheskogo nachal (Ot romana "Igrok" k rasskazu "Vechnyi muzh")" // *Tvorchestvo F.M.Dostoevskogo. Iskusstvo sinteza*. Sbornik statey. Izdatelstvo Uralskogo universiteta. Ekaterinburg. P. 182-203.